

М.И. Воейков

**ОГОСУДАРСТВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ:
УРОКИ ИСТОРИИ И ИДЕОЛОГИИ
(К 100-ЛЕТИЮ «ВОЕННОГО КОММУНИЗМА»)**

Аннотация. В статье рассматривается политика «военного коммунизма» как начало формирования огосударственной экономики России. Показывается, что эта политика имела две основы: объективные обстоятельства мировой и гражданской войн и идеологические представления большевиков о коммунизме. К последним можно отнести отмену денег, сворачивание рыночной экономики, прямое централизованное управление каждым предприятием, трудовую обязанность каждого гражданина. Однако объективные причины милитаризации экономики имели главное значение, что лишь в конечном счете и в некоторых аспектах совпадало с коммунистической идеологией большевиков. Таким образом, политика «военного коммунизма» была противоречивой и в основе своей двойственной. Наряду с развалом товарного хозяйства и денежной системы, усилением милитаризации экономики продолжали существовать многие рыночные элементы, товарный обмен, деньги, материальная заинтересованность и частный интерес. Существовало многомиллионное крестьянское хозяйство, основанное на частной собственности и рыночном обмене. В этот период, наряду с огосударствлением экономики, существовали демократические завоевания революции: многопартийная система (кроме буржуазных партий), свобода слова и собраний, демократические выборы и т.п. Показывается, что основные характеристики огосударственной экономики и ее двойственность сохранялись весь советский период. Это относится к ограничению товарного производства и рыночной экономики, государственной опеке каждого предприятия, ограничению материальных стимулов труда, запрете частной собственности и частного предпринимательства. При этом в советский период были утрачены демократические интенции «военного коммунизма»: многопартийность, альтернативность выборов, допустимые свободы слова и собраний, плюрализм в творческой и художественной сферах.

Ключевые слова: «военный коммунизм»; рыночные отношения; капитализм; социализм; жесткое государство; двойственность советской модели.

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, зав. сектором Института экономики РАН.
E-mail: mvok1943@mail.ru

M.I. Voeykov. The «Statisation» of the Economy: The Lessons of History and Ideology (To the 100th Anniversary of «War Communism»)

***Abstract.** Discussing the policy of «war communism» as the beginning of the formation of the national economy of Russia, the author argues that this policy had two key preconditions, those being the objective circumstances of the world and civil wars, on the one hand, and the ideological ideas of the Bolsheviks about communism, on the other. The latter included: abolition of money, elimination of market economy, direct centralized management of all enterprises, compulsory labor duties of all citizens, etc. However, of paramount importance were the objective reasons for the militarization of the economy, those only in the long run and in some aspects coinciding with the Bolshevik communist ideology. Thus, the policy of «war communism» was controversial and essentially dual. Along with the collapse of commodity economy and the monetary system as well as the increased militarization of the economy, there continued to exist many market elements, commodity exchange, money, material interest and private interest. There also existed a multi-million peasant economy based on private land property and market exchange. Notwithstanding the nationalization of the economy, the society still enjoyed some of the democratic gains of the revolution: a multi-party system (with the exclusion of «bourgeois» parties), freedom of speech and assembly, democratic elections, etc. It is shown that the main characteristics of a nationalized economy and its duality were preserved during the entire Soviet period. This applies to the restriction of commodity production and market economy, the state control and guardianship of every enterprise, the restriction of material incentives for labor, the prohibition of private property and private entrepreneurship. At the same time, during the Soviet period, the democratic intentions of «war communism», such as a multi-party system, alternative elections, freedoms of speech and assembly, pluralism in creative and artistic spheres, were lost.*

***Keywords:** «military communism»; market relations; capitalism; socialism; rigid state; the duality of the Soviet model.*

**Voeykov Michail Illarionovitch – Doctor of Economic Sciences,
Professor, Head of the Section of the Institute
of Economics, RAN. E-mail: mvok1943@mail.ru**

**«Военный коммунизм»
в идеологической концепции большевиков**

В истории России после 1917 г. много событий и дат, юбилей которых приходится на наше время и которые заслуживают более внимательного изучения. В некоторых случаях они требуют корректировки оценочных суждений, привычных нам еще с советского времени. Таков, например, «военный коммунизм», получивший в нашей литературе прочную негативную коннотацию. Не отрицая в целом такой подход, все же имеет смысл более детально приглядеться к этому явлению.

«Военный коммунизм» – определенная экономическая политика, которую стали проводить большевики с началом Гражданской войны в стране, т.е. с 1918 г. Однако формально началом «военного коммунизма» можно считать 11 января 1919 г., когда была введена продразверстка. Ведь именно продразверстка, т.е. насильственное изъятие у сельскохозяйственных производителей (в основном, у крестьян) излишков продукции, но часто не только излишков, является центральным пунктом политики «военного коммунизма». Так что в 2019 г. исполнилось 100 лет этой политики, которая до сих пор вызывает интерес и научные дискуссии. Это была жесткая экономическая политика, мобилизующая все силы и средства на сохранение завоеваний революции и удержание власти большевиков. По мнению большевиков и их сторонников, «военный коммунизм» открывал дорогу для строительства нового, социалистического общества в России. По мнению противников большевиков, эта политика вела к созданию в стране тоталитарного государства.

Действительно с началом Гражданской войны экономическое положение страны усложнилось. Необходимо было любой ценой обеспечить материальные нужды как красноармейцев, так и городского населения, и прежде всего рабочих и служащих советских предприятий, особенно занятых на оборонных предприятиях. В этих условиях был сделан резкий переход к прямым, исключительно административным и даже военизированным методам управления экономикой. Происходила широкая натурализация экономических отношений. Это была прагматическая сторона вопроса, которая выступала как определяющая и базовая. В первую очередь нужно было решать практические вопросы жизни. В июне 1921 г. на III Конгрессе Коммунистического интернационала В.И. Ленин специально подчеркивал это обстоятельство: «Мы должны были действовать возможно скорее, мы должны были во что бы то ни стало организовать снабжение армии»¹ [Ленин т. 44, с. 44]. Но эти же прагматические потребности поддерживали и воспроизводили определенные идейные настроения, которые у некоторых большевиков, а пожалуй, даже у многих, превалировали над практической необходимостью.

Итак, экономическая политика времен Гражданской войны, получившая впоследствии название политики «военного коммунизма», была вызвана, по крайней мере, двумя причинами. Прежде всего, это сложная военная и хозяйственная обстановка в стране и без того с сильно разваленной экономикой еще во времена Первой мировой войны. Другой причиной «военного коммунизма» были господствующие представления о социалистическом обществе

1. Здесь и далее в ссылке на это многотомное издание указывается автор, номер тома и страница.

как нетоварном, безденежном хозяйстве. Натурализация экономических отношений, подрыв денежного обращения, развал финансовой системы и т.п., особенно в связи с победами в Гражданской войне, создали почву для широкого распространения и утверждения представлений, совершенно отрицающих необходимость использования рыночных отношений и денег даже в процессе строительства социализма.

Натурализация экономики страны многими, если не всеми, большевистскими деятелями воспринималась как закономерный процесс ликвидации капиталистической экономики, частно-товарного производства. Это нашло отражение и в ряде партийных и хозяйственных документов. В программе партии, принятой на VIII съезде в марте 1919 г., был, например, пункт о замене торговли «плановым, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов» [Ленин т. 38, с. 440]. В резолюции II Всероссийского съезда советов народного хозяйства, состоявшегося в декабре 1918 г., было записано: «Развитие социалистического переустройства экономической жизни необходимо требует отрешения от прежних частнокапиталистических взаимоотношений в производстве и устранения в конечном итоге всякого влияния денег на соотношение хозяйственных элементов» [Труды 1919, с. 192]. 18 июля 1920 г. сессия ВЦИК признавала, что «деятельность Наркомфина, выразившаяся... в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы, в общем соответствует основной задаче хозяйственного и административного развития РСФСР» [Постановления 1920, с. 66]. То есть Министерство финансов, говоря современным языком, стремилось к ликвидации денежной системы. И это у большевиков не вызывало недоумения.

Идеологи большевизма того периода, приняв хозяйственную разруху за объективный процесс, принялись развивать и соответствующие теории. Наиболее выдающимся сторонником этих теорий оказался Н.И. Бухарин. В своей, можно сказать, теоретической монографии 1920 г. «Экономика переходного периода», которая, кстати, весьма понравилась Ленину, он развил целую теорию натурализации экономики. Например, Бухарин пишет: «Понятно, что в переходный период, в процессе уничтожения товарной системы как таковой, происходит процесс “самоотрицания” денег. Он выражается, во-первых, в так называемом “обесценении денег”, во-вторых, в том, что распределение денежных знаков отрывается от распределения продуктов и наоборот. Деньги перестают быть всеобщим эквивалентом, становясь условным – и притом крайне несовершенным – знаком обращения продуктов» [Бухарин 1988, с. 188]. Здесь Бухарин первые поверхностные наблюдения разлада экономического механизма принял за ростки объективного процесса, образно говоря – нужду выдавать за добродетель. И дальше Бухарин строит целую теорию: «Вообще говоря, одна из основных тенденций переходного периода есть

разрыв товарно-фетишистских оболочек. Вместе с растущей общественно-натуральной системой экономических отношений лопаются и соответствующие идеологические категории. А раз это так, перед теорией экономического процесса возникает необходимость перехода к натурально-хозяйственному мышлению, т.е. рассматриванию и общества, и его частей как систем элементов в их натуральной форме» [Бухарин 1988, с. 189]. Теория натурализации советского хозяйства, известную дань которой отдал Бухарин и некоторые другие большевистские теоретики, не была, собственно, марксистской теорией. Ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни К. Каутский нигде прямо так не писали. Н.И. Бухарин, используя достаточно случайные факты хозяйственной жизни, спешил строить соответствующие теории понятные и удобные большевистской массе. Да и вся эта работа Бухарина не есть глубокое и всестороннее научное исследование «трансформационного процесса», а лишь отражение настроения большевистского энтузиаста, которое в конечном счете вульгаризирует известную марксистскую концепцию.

Ленин же более осторожно подходил к судьбе денег в переходный период от капитализма к социализму. В мае 1919 г. он писал: «Еще до социалистической революции социалисты писали, что деньги отменить сразу нельзя, и мы своим опытом можем это подтвердить. Нужно очень много технических и, что гораздо труднее и гораздо важнее, организационных завоеваний, чтобы уничтожить деньги... Пока деньги останутся, и довольно долго останутся» [Ленин т. 38, с. 353]. Однако общее представление о несовместимости товарно-денежных отношений и социализма у Ленина отмечается и в этот период. В октябре 1919 г. он замечает: «У нас борьба первой ступени перехода к коммунизму с крестьянскими и капиталистическими попытками отстоять (или возродить) товарное производство» [Ленин т. 51, с. 357]. Этот мотив преодоления товарно-денежных отношений и товарного производства был характерен почти для всех большевистских деятелей «военного коммунизма». И это же дало основание для определенной трактовки «военного коммунизма» как тотального огосударствления экономики. Хотя не все было так просто и однозначно.

Разнообразие оценок «военного коммунизма»

В отечественной научной литературе в разные периоды превалировали различные трактовки политики «военного коммунизма». Дольше всего господствовала в общем-то правильная точка зрения на «военный коммунизм» как политику, навязанную Гражданской войной и экономической разрухой. Затем следует не забывать, что период «военного коммунизма» есть период Гражданской войны, т.е. по существу самой революции. Не могла же революция после октябрьского переворота 1917 г. благопристойно закончиться

в два-три месяца. Так быстро великие революции не совершаются и не завершаются. Обычно период Гражданской войны включают в хронологические рамки самой революции как ее объективно неизбежный момент. Поэтому с общетеоретической точки зрения политику «военного коммунизма» рассматривать как политику нормального экономического развития нельзя.

Действительно политика «военного коммунизма» была вызвана прежде всего обстановкой экономической разрухи, войны, самоликвидацией почти всех прежних государственных органов и форм управления. Важно иметь в виду, что многие элементы «военного коммунизма» были введены Временным правительством до октября 1917 г., а некоторые еще и царским правительством как необходимые в период мировой войны меры. Речь идет о карточной системе распределения и прямого продуктообмена, выпуске еще в самом начале мировой войны ничем не обеспеченных бумажных денег в очень большом количестве, административном контроле за ходом полевых работ, использовании на уборке урожая воинских частей, принудительном перераспределении сельскохозяйственных орудий. Известный меньшевик Д. Далин в 1919 г., т.е. еще до своей эмиграции, писал: «Взятие на учет, продовольственные карточки, монополии – все это было и до “социальной революции”» [Далин 1991, с. 90]. Например, как отмечают современные историки, продразверстка в России вступила в силу, по крайней мере *de jure*, еще в январе 1917 г. по инициативе царского министра земледелия А.А. Риттиха. Этот интересный сюжет Э.Е. Писаренко описывает так: «К сожалению, в учебниках истории до сих пор упорно не называется подлинный автор продовольственной разверстки – А.А. Риттих. Будучи с ноября 1916 г. управляющим министерством земледелия, (а с 12 января 1917 г. министром земледелия) он действовал решительно... 29 ноября 1916 г. Риттих подписал постановление о хлебной разверстке, а 7 декабря были определены нормы губернских поставок с последующим расчетом продразверстки по уездам и волостям». А вот А.Д. Цюрупа, являясь помощником уполномоченного по Уфимской губернии, уже в декабре 1916 г. практически осуществлял продразверстку в этой губернии [Писаренко 1998, с. 288]. Большевики, стало быть, не только успешно продолжили дело царского правительства, но и в лице А.Д. Цюрупы привлекли к себе одного из лучших исполнителей политики продразверстки с дореволюционных времен. Но и царское, и Временное правительства не смогли толком провести в жизнь продовольственную разверстку. Это смогли сделать только большевики. Более того, они просто взяли план министра А.А. Риттиха и осуществили его в реальности. А А.Д. Цюрупу, который с марта 1917 г. был председателем губернской продуправы в Уфе и, наверное, единственным, кто добился хоть какого-то результата в этом деле еще при Временном правительстве, назначили наркомом продовольствия РСФСР.

Конечно, в политике «военного коммунизма» все эти и другие меры существенно усилились, можно даже сказать, получили комплексность, законченность и достигли в общем-то того результата, на который и были рассчитаны. Так, продразверстку в реальности смогли осуществить только большевики. Видимо, многие, если не все правительства, в таких условиях проводили бы аналогичные мероприятия. Об этом свидетельствует такой современник событий, как Г. Уэллс: «Советское правительство ввело эту систему, исходя из своих принципов, но любое правительство в России вынуждено было бы сейчас прибегнуть к этому. Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье» [Уэллс 1958, с. 14]. Добавим, что распределение некоторых продуктов по карточкам лондонское правительство ввело во время Второй мировой войны.

Вместе с тем политика «военного коммунизма», если рассматривать ее не как простой набор хозяйственных мероприятий, а как целесообразную, осознанно проводимую экономическую стратегию, была вызвана не только военной и экономической обстановкой. Если было только это, то, видимо, не утвердились бы ни название «военный коммунизм», ни соответствующий комплекс теоретических воззрений как своеобразная идеология большевизма. Надо сказать, что в литературе по этому поводу имеются самые разнообразные, вплоть до противоположных, точки зрения.

Одна из них восходит к «Краткому курсу ВКП (б)», где сказано: «Политика военного коммунизма была вынуждена войной, интервенцией» [Краткий курс 1938, с. 238]. Это положение так или иначе воспроизводилось множество раз, стало советской классикой или, лучше сказать, догмой официальной советской идеологии. Например, в последнем издании (1985) официальной советской биографии Ленина сказано: «Ленин рассматривал “военный коммунизм” как временную меру, вынужденную войной и разорением» [Владимир Ильич Ленин 1985, с. 78]. Это все, так сказать, сталинистская традиция в истолковании политики «военного коммунизма». Но вот, например, Д. Лукач, которого никак нельзя заподозрить в излишних симпатиях к сталинистской идеологии, высказал в 1967 г. мнение, что Ленин, в отличие от большинства своих современников, «ни на минуту не признавал военный коммунизм истинной формой перехода к социализму, будучи полон твердой решимости вернуться к теоретически правильной линии НЭПа сразу же по окончании гражданской войны и интервенции» [Лукач 1990, с. 140]. Это слишком прямое и некорректное утверждение, которое совершенно не соответствует действительному положению вещей. Во-первых, Ленин, и мы уже приводили его слова на этот счет, не отрицал возможности использования политики «военного коммунизма» для построения социалистического общества. И во-вторых, НЭП не был изначальной политикой большевиков. НЭП был скорее

политикой меньшевиков, которую большевики взяли на вооружение после окончания Гражданской войны в силу объективных обстоятельств. Крестьянское восстание против большевиков в Тамбовской губернии (1920–1921), Кронштадтский мятеж (весна 1921 г.) и более мелкие выступления крестьян против продразверстки и вообще режима «военного коммунизма», можно сказать, силой заставили большевиков перейти к НЭПу. Однако упрощенную точку зрения, что политика «военного коммунизма» была вызвана исключительно войной и разрухой, охотно развивали, особенно в 1960-е годы, а также в начале «перестройки», многие советские историки и экономисты.

Двойственность в понимании «военного коммунизма»

Но есть и другие воззрения. Многие партийные деятели и авторы воспринимают политику «военного коммунизма» как не только и, может быть, не столько вынужденную меру, а как опыт непосредственного социалистического (коммунистического) строительства, практического воплощения коммунистической экономической идеологии. Приверженцы этих взглядов составляют два направления. Первые – это большевистские идеологи и публицисты 1920-х годов, вторые – немарксистские и небольшевистские исследователи тех же и более поздних лет. Английский историк М. Добб отмечает, что на Западе общераспространенной была интерпретация «военного коммунизма» как попытка реализации коммунистической идеи, что неизбежно оказалось в конфликте с реальностью [Добб 1966, р. 120]. Об этом же пишет и советский историк Е.Г. Гимпельсон [Гимпельсон 1973]. Можно привести и такое свидетельство меньшевика Н.В. Валентинова, находящегося тогда еще в России и хорошо знакомого с верхушкой большевиков. «В партии был и в 1923 г. продолжал существовать, – пишет Н.В. Валентинов, – значительный слой (и не маленьких людей) считавших, что в своей основе военный коммунизм был стройной системой, подлинно коммунистической политикой, только потому сопровождавшейся неудачами, что она не могла во время Гражданской войны выявить все присущие ей качества» [Валентинов 1991, с. 37]. Например, Л.Б. Красин, как можно заключить из его письма Ленину от 8 ноября 1921 г., считал «военный коммунизм» полным коммунизмом, правда «провалившимся» [Большевистское руководство 1996, с. 215].

Самого же Ленина трудно отнести совершенно определенно к сторонникам сугубо идеологического восприятия и обоснования политики «военного коммунизма». У него можно обнаружить идеологическую совместимость с «военным коммунизмом» и в то же время признание ее ошибочности с прагматической точки зрения. В брошюре «О продовольственном налоге» он прямо и честно писал: «“Военный коммунизм” был вынужден войной и разо-

рением. Он не был и не мог быть отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой. Он был временной мерой» [Ленин т. 43, с. 220]. И в том же 1921 г. он подчеркивал ошибочность представлений о «военном коммунизме» как о первом и верном опыте социалистического строительства. Он писал, что под влиянием различных обстоятельств «мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение» [Ленин т. 44, с. 157]. Желание побыстрее оказаться в коммунизме было настроением, а не точным расчетом. Как же, задавались вопросом большевики, октябрьский переворот 1917 г. прошел блестяще, в Гражданской войне, правда, с невероятными трудностями, но все же победа склонялась на их сторону. Все удавалось. И что же, опять идти на развитие капитализма? С такой перспективой мало кто из большевиков мог согласиться. Хорошо это настроение передает М.Н. Покровский: «Казалось, что так блестяще удалось на военном фронте, удастся и... в народном хозяйстве... Нас... пьянила в известной степени эта быстрота. Дело шло таким образом, что нам казалось, что мы от коммунизма, созданного собственными средствами, не дождавшись победы пролетарской революции на Западе, – что мы от этого коммунизма очень близки» [цит. по: Трукан 1994, с. 67–68].

Ленин также классифицировал как ошибочные некоторые практические действия по чрезмерной национализации торговли и промышленности, по ограничению товарно-денежных отношений. В докладе на X съезде партии (март 1921 г.) он говорил: «Мы слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота. Было ли это ошибкой? Несомненно. В этом отношении нами было сделано много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали, не знали, как ее соблюдать» [Ленин т. 43, с. 63]. Н. Бухарин охарактеризовал это положение как крах «наших некоторых заблуждений и неправильных представлений о ходе нашего развития к социализму, заблуждений, связанных с периодом так называемого “военного коммунизма”» [Бухарин 1980, с. 195].

У думающих большевиков того периода можно обнаружить некоторую раздвоенность. С одной стороны, они как грамотные марксисты полагали, что надо было бы проводить социалистические мероприятия путем прежде всего свертывания рынка и товарно-денежных отношений. То есть строить социализм нужно и можно только социалистическими методами. Так вытекало из марксистской теории. С другой стороны, они видели и понимали, что хозяйственная практика эти методы не воспринимала, отторгала. Практика дикто-

вала свои условия, которые сводились к развитию рыночной экономики, буржуазности и в конечном счете капитализма.

Из всего этого можно вывести то, что большевики квалифицировали как ошибочную не саму идеологию «военного коммунизма», не представления о нетоварном социализме, а лишь поспешность в его насаждении, в игнорировании реалий. Приведем на этот счет лишь одно высказывание Ленина из доклада на X съезде: «Мы должны внимательно присмотреться к этой мелкобуржуазной контрреволюции, которая выдвигает лозунги свободы торговли. Свобода торговли, даже если она вначале не так связана с белогвардейцами, как был связан Кронштадт, все-таки неминуемо приведет к этой белогвардейщине, к победе капитала, к полной его реставрации. И, повторяю, эту политическую опасность мы должны сознавать ясно» [Ленин т. 43, с. 25]. Здесь отчетливо видно сохранение идеологии «военного коммунизма», т.е. недопущение свободы торговли, хотя методы этого недопущения уже меняются. Еще раз обратимся к верному наблюдению Н.В. Валентинова: «Для Ленина введение купли и продажи, обращения товаров, уход от системы военного коммунизма был вынужденным, но явным отступлением от идеала. Переход от распределения к торговле для него был уходом от социализма к капитализму» [Валентинов 1991, с. 97].

Таким образом, политика «военного коммунизма» была вызвана как сложной военной обстановкой и разрухой в хозяйственной жизни, так и в немалой степени господствующей идеологией. Огосударствление всей экономики, натурализация экономических отношений периода «военного коммунизма» явились практической попыткой ликвидировать товарное производство и рыночные отношения в условиях становления нового общественного устройства. То, что такая попытка не увенчалась успехом и от нее пришлось отказаться вскоре после окончания Гражданской войны, общеизвестно и не вызывает сомнений. Хотя огосударствление экономики, возможно в более мягких формах, сохранялось весь советский период.

«Военный коммунизм» и реальная жизнь

Вместе с тем в политике «военного коммунизма» можно обнаружить заметные моменты и явления, которые никак не укладываются в систему жесткого огосударствления экономики. Именно в период, когда «военный коммунизм» проводился в жизнь (1918–1920) как особая экономическая политика, рыночные экономические отношения продолжали существовать, но как бы уже неявным образом. Продолжал действовать и закон стоимости, хотя требования его по всем научным представлениям были нарушены. На этот счет имеется замечание Ленина уже 1921 г., что «запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т.е. торговли,

т.е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей», было бы «глупостью и самоубийством», «эта политика экономически невозможна» [Ленин т. 43, с. 222]. В 1920 г. (последний год «военного коммунизма»), например, частный торговый оборот лишь сельскохозяйственных продуктов в пределах Советской республики составлял 837 млн руб. или, как минимум, 44% общего оборота товарных ценностей в стране [Струмилин 1963, с. 171]. Вместе с тем отметим, что запретить частную торговлю, т.е., по словам Ленина, сделать «глупость и самоубийство», большевики пытались все годы «военного коммунизма», но не везде это получалось. А вот в результате сталинской коллективизации частная торговля была практически запрещена. И весь советский период частной торговли в стране почти не было, за исключением колхозного рынка. И напрашивается вывод, что «военный коммунизм» не закончился в 1921 г., а существовал все годы советской власти.

Однако и в период «военного коммунизма» абсолютной монополии одного продовольственного органа советского государства (Наркомпрод) в обеспечении нужд страны в сельскохозяйственной продукции не было. Как показано в специальной исторической литературе, все годы «военного коммунизма» шла интенсивная борьба между Наркомпродом, осуществлявшим продрозверстку, и ВСНХа, который стремился к более нормальному экономическому обороту сельскохозяйственной продукции как технического сырья для промышленности, а также как продуктов питания для занятых в промышленности рабочих [Павлюченков 1966]. Более того, крупные промышленные предприятия посылали рабочие отряды в сельскую местность для снабжения работников предприятий продуктами питания. Иногда такие действия включались в лимиты централизованной продрозверстки, но чаще выходили за их пределы. В любом случае рабочие отряды предприятий стремились действовать более мягко, допуская и эквивалентный обмен с деревней.

В такой громадной стране как Россия, с чрезвычайным разнообразием условий и традиционной самобытностью народа, в принципе никакая политика или правительственная мера не могла проводиться единообразно и последовательно. И тем более нельзя думать, что какое-то идейное представление в то время и в тех условиях можно было легко и просто воплотить в хозяйственную практику.

В системе государственного управления народным хозяйством продолжали использоваться многие рыночные и денежные формы, правда, со все уменьшающимся регулирующим значением. Так, на протяжении всех лет «военного коммунизма» составлялся государственный бюджет, проводилась определенная финансовая политика, выдавалась зарплата, пособия и т.д. Наконец нельзя забывать, что и деньги как таковые никто не отменял. Вместе с тем, конечно, стимулирующая роль денег существенно снизилась. Крупнейший советский специалист по этому периоду Е.Г. Гимпельсон писал:

«Однако регулирующая роль финансов полностью не отпала. И в конце 1920 г. уделялось большое внимание финансированию народного хозяйства, денежным сметам и т.п. Все расчеты и хозяйственные наметки и на 1921 г. велись на денежной основе, и только в промышленности применялись материальные сметы (совхозы, артели, промысловая кооперация имели денежные сметы)» [Гимпельсон 1973, с. 241]. Этот вопрос до сих пор является камнем преткновения для многих любопытствующих и даже для ряда исследователей. Потеря финансами и деньгами своей реальной роли в экономике многим представляется как свидетельство ликвидации товарного производства и товарно-денежных отношений. Так, известный и авторитетный историк В.Т. Логинов при обсуждении проблем «военного коммунизма» восклицал: «А существовали ли товарное хозяйство и товарный обмен в то время?» На что ему вполне резонно отвечал Г.Х. Попов: «Если была предписана ликвидация товарного производства, то это не значит, что оно в действительности было ликвидировано. На самом деле волевым путем никто не может полностью его устранить. Реально товарного производства тогда было больше, чем регулирования. Думаю, что регулирование касалось 10% населения России, а 90% жило обменом, как и раньше» [Дискуссия 1988, с. 56]. В самом деле нельзя же всю проблематику товарного производства и рыночного обмена сводить только к одной форме – денежной. До высшей формы стоимости (денежной) есть еще ряд форм, в том числе такая распространенная, как прямой обмен товара на товар, или бартер.

Товарное производство и рыночные отношения – объективная необходимость определенной стадии развития любого общества, через которую переключиться невозможно. Если общественные и государственные институты игнорируют необходимость легитимного использования рыночных, товарных отношений, то сами эти отношения осуществляются стихийным, во многом даже разрушительным для существующих государственных институтов образом. Это все и проявилось в России в период «военного коммунизма», да и не только тогда. Так, бартер в той или иной форме существовал в нашей стране всегда. Часто государственные предприятия обменивались друг с другом некоторыми излишними материалами (сырьем, оборудованием, строительными материалами и т.п.) в обход фондируемого снабжения.

Поэтому и позиция большевиков по вопросу природы «военного коммунизма» была двойственной. С одной стороны, они хорошо понимали, что эта политика была вызвана объективными обстоятельствами. С другой стороны, многие из них, всецело держась принципов бестоварного социализма, разделяли иллюзии о возможности свертывания товарных и рыночных отношений уже на данном этапе. И в этом состояла коллизия не только большевиков, но и всей русской интерпретации марксизма. Эта двойственность в идеологии и хозяйственной практике сохранялась все годы советской власти.

Таким образом, полагать, что «военный коммунизм» есть стопроцентное воплощение марксистской теории о социализме (коммунизме) является полной нелепостью. В лучшем случае, это – слепое следование некоторым отрывочным, еще дореволюционным, представлениям о социализме, но в большей мере иллюзия самих большевиков, которые думали, что могут свои представления и мечтания о новом обществе осуществить простым и непосредственным образом. Что, взяв политическую власть в стране, они в силах изменить не только общество, но и законы истории, т.е. исторический процесс. Впрочем, изменить объективный социально-экономический процесс большевикам оказалось не под силу.

Экономическая отсталость страны, неразвитость буржуазных отношений, требования миллионной крестьянской массы серьезно подрывали жесткость огосударствления экономики и общества, отодвигали начало социалистических преобразований. Хочешь – не хочешь, но надо было переходить к развитию товарно-денежных отношений, развитию рыночного оборота, стало быть, развитию буржуазных отношений и капитализма. Вообще говоря, такую ситуацию предвидели еще классики марксизма. Так, К. Маркс на одном собрании 1850 г. говорил, имея в виду революционные события 1848 г.: «Во Франции пролетарии придут к власти не одни, а вместе с крестьянами и мелкими буржуа, и будут вынуждены проводить не свои, а их меры» [Маркс, с. 585]. В Русской революции, между прочим, так все и получилось. Марксизм оказался прав, считая, что по существу в феодальной стране революция может быть только буржуазно-демократической, а строительство социализма в отдельно взятой стране просто невозможно. Лидеры большевиков на этот теоретический аспект пытались закрывать глаза, ибо в противном случае это означало, что они солидаризировались бы с меньшевиками, которые твердо держались постулатов классического марксизма и с самого начала революции говорили о ее буржуазном характере и необходимости иной экономической политики, т.е. НЭПа. Большевики, видимо, это все прекрасно понимали, но как-то соединить в единую систему им не удавалось. Такая раздвоенность большевистской экономической политики была характерна для всего советского периода.

Демократия времен «военного коммунизма»

В жесткой экономической политике «военного коммунизма» можно подметить еще один любопытный аспект, который в нашей литературе часто просто не замечают. Ведь, как ни странно, в период «военного коммунизма» существовала значительно большая демократия и свобода, чем в период экономического либерализма, в период НЭПа, да и позже. Это противоречит устоявшимся мифам в публицистике, даже лучшие представители которой

считают так: «Вся политическая система военного коммунизма, за весьма небольшими исключениями, сохранилась и в годы НЭПа. Однопартийность, обеспеченная пресечением деятельности всех других, в том числе социалистических, марксистских, партий, репрессиями в отношении их руководителей и рядовых членов, закрытием небольшевиетских газет и журналов» [Буртин 1999, с. 414]. На самом деле все было не так. Нельзя в этом смысле объединять эти два периода. Все годы «военного коммунизма» существовала многопартийная система (кроме буржуазных партий), на съезды Советов делегировались представители различных партий, выходили оппозиционные газеты. Конечно, время от времени эти органы печати закрывались. Но как пишет современный историк, «запреты “контрреволюционной” печати вызывали больше шума в самой печати, нежели протестов общественности. К тому же запреты обходились с завидной легкостью: газеты тут же выходили под другими названиями» [Булдаков 1997, с. 224]. О тех временах сохранились воспоминания Георгия Иванова впоследствии нареченного «первым поэтом эмиграции». Так вот в самом начале 1920-х годов, будучи еще в России, Георгий Иванов пишет: «Весной 1922 года литературная жизнь Петербурга еще текла так, как она сложилась за пять лет революции. Действовали Дома – литераторов и искусств, действовали издательства, настолько еще независимые, что не боялись, например, издавать сейчас же после казни Гумилева его книги, и, например, я, эти книги редактируя, не считал особой смелостью со своей стороны во вступительных статьях давать соответствующую оценку не только стихов, но и личности расстрелянного “белогвардейца”» [Иванов 1994, с. 414]. Вот тоже интересный вопрос, что более характерно для периода «военного коммунизма»: ужасы революции или расцвет новой культуры?

Мятеж левых эсеров в июне 1918 г. (т.е. прямое вооруженное восстание против большевиков) не привел к запрету этой партии, приговоры суда по этому делу были удивительно мягкими: двух человек (М. Спиридонову и Ю. Саблина) приговорили к тюремному заключению на один год, 11 человек – на три года, и одного – к расстрелу, в случае «его поимки и установления личности». Приговор этот вынесли 27 ноября 1918 г. А уже 29 ноября того же года, т.е. через день, Президиум ВЦИК Спиридонову и Саблина амнистировал и освободил из заключения [Красная книга 1989, с. 294–295]. Красный террор в 1918–1922 гг., по минимальным оценкам, коснулся 12–14 тыс. человек. Но даже если допустить пятикратное увеличение этой цифры, как считает известный историк Е.Г. Плимак, «то и тогда мы не выйдем за рамки “классического” якобинского образца. Во Франции 1793–1794 гг. якобинцы гильотинировали 17 тыс. человек, погибло в тюрьмах еще 17 тыс. А ведь Франция имела всего 24–25 млн населения по сравнению со 150 млн в России» [Плимак 1998, с. 130]. И не забудем, что это был период революции и Гражданской войны.

С 1922 г. демократия и свободы резко сужаются. Запрещаются оппозиционные, в том числе и социалистические, партии, внутри самой большевистской партии запрещаются фракции, закрываются все некоммунистические печатные органы, наконец, высылаются из страны известные ученые, публицисты и писатели. В общем, как делает вывод Е.Г. Плимак, 1922 год сопровождался «усилением диктаторских, террористических начал в политике» [Плимак 1998, с. 130]. И это тоже можно трактовать как отступление от идеалов Октября, идеалов социализма.

В связи с этим никак нельзя согласиться с мнением, что НЭП был «первой оттепелью», ибо «с 30-х годов и вплоть до второй половины 50-х, наличествовала совершенно другая идеологическая атмосфера» [Шарапов 2006, с. 146]. Вся аргументация автора сводится к тому, что в этот период открыто судили эсеров, а вот в 1930-х годах их расстреливали без суда и следствия. Но автор забыл, что до 1922 г. партию эсеров как партию вообще не судили, процесс 1918 г. был удивительно мягким. Поэтому нельзя говорить об оттепели, ибо до 1922 г. не было «заморозков». Атмосфера 1930-х годов, конечно, была другая. Но это можно применить к атмосфере политической, а отнюдь не идеологической. Идеология оставалась примерно та же. Об идеологическом плюрализме можно говорить лишь применительно к периоду самой революции (1917–1922), но после нее, а именно в период НЭПа, этот плюрализм стал резко сворачиваться. Некоторое политическое разнообразие внутри большевистской партии еще сохранялось в 1920-е годы, но и оно не идет ни в какое сравнение с плюрализмом времени «военного коммунизма».

* * *

Таким образом, хотя «военный коммунизм» формально закончился с отменой продразверстки в 1921 г. и переходом к НЭПу, но жесткость государственного управления сохранялась, а в некоторых отношениях даже усилилась. Надо понимать, что социализма в то время в России не было и в тех условиях быть не могло. Пожалуй, это самое главное. Да, большевики проводили жесткую политику, диктатуру пролетариата свели к диктатуре одной партии, все это было. Но ведь их заставляла действовать именно так не социалистическая убежденность, а объективная необходимость. Подчиняясь объективной необходимости, большевики вынуждены были проводить жесткие меры государственного строительства, где для демократии, а следовательно, и для социализма, оставалось все меньше и меньше места. Как это ни странно выглядит, начатки демократии, которые еще были в период «военного коммунизма», с наступлением НЭПа стали исчезать.

Однако главное во всей этой истории понять – почему большевики так поступали, т.е. проводили жесткую политику государственного строительства,

по сути дела исключают развитие демократии. Большевики многое понимали, но реальная российская ситуация была такова, что до демократии и социализма было далеко.

Российская революция 1917 г. была в целом буржуазная, а русский народ в большинстве своем не был готов к социализму. Государственная надстройка была далеко не социалистическая, а нормальная бюрократическая машина жесткого государства. Кроме фразеологии: слова и лозунги были социалистические и даже коммунистические, но практические действия соответствовали становлению государства, нацеленного на модернизационный рывок с помощью бюрократической диктатуры. Поэтому развивать социалистическую демократию в тех условиях было просто невозможно. Такая демократия вылилась бы во вседозволенность. И то в лучшем случае. А большевики были достаточно прагматичны и понимали, как надо действовать.

Сталинизм как определенная форма диктатуры был объективно неизбежен. Ибо каждая Великая революция для установления господства нового общества нуждается в той или иной форме диктатуры. Она может быть более просвещенной и цивилизованной, как Наполеон во Франции, или более грубой и дикой, как Сталин в России. Да, большевики прибегали к жестким мерам государственного строительства и не могли поступать иначе, реальные условия российской действительности не были готовы к развертыванию социалистической демократии. Вспомним Г.В. Плеханова, который, в частности, предупреждал о невозможности взятия государственной власти пролетарской партией в экономических условиях, характерных для России начала XX в. Крестьянам нужна была земля, а не социализм. Российская практика не укладывалась в социалистическую теорию.

Библиография

- Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
- Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.
- Буртин Ю. Другой социализм // Красные холмы. Альманах. М.: Издательский дом «Городская собственность», 1999. С. 411–511.
- Бухарин Н.И. Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз // Бухарин Н.И. Избр. произв. М.: Политиздат, 1988. С. 146–230.
- Бухарин Н.И. Экономика переходного периода // Бухарин Н.И. Избр. произв. М.: Экономика, 1990. С. 81–207.
- Валентинов Н.В. Наследники Ленина. М.: Терра, 1991. 240 с.
- Владимир Ильич Ленин. Биография, 1870–1924. В 2 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 2. 1917–1924. 364 с.
- Гимпельсон Е.Г. «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973. 296 с.
- Гимпельсон Е.Г. Великий Октябрь и становление советской системы управления народным хозяйством (ноябрь 1917 – 1920 гг.). М.: Наука, 1977. 310 с.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

- Далин Д. Спекулянт и бюрократ // Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 84–95.
Дискуссия о «военном коммунизме» // Политическое самообразование. 1988. № 6. С. 51–59.
- Иванов Г.В. Из воспоминаний // Иванов Г.В. Собр. соч. М.: Согласие, 1994. Т. 3. С. 373–442.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М.: Госполитиздат, 1938. 351 с.
- Красная книга ВЧК. 2-е изд. Т. 1. М.: Политиздат, 1989. 416 с.
- Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 т. М.: Госполитиздат, 1960–1965.
- Лукач Д. Ленин. Исследовательский очерк о взаимосвязи его идей. М.: Междунар. отношения, 1990. 144 с.
- Маркс К. Заседание Центрального комитета от 15 сентября 1850 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Политиздат, 1957. Т. 8. С. 581–585.
- Павлюченков С.А. Крестьянский Брест или предыстория большевистского НЭПа. М.: Рус. книгоиздат. т-во, 1996. 299 с.
- Писаренко Э.Е. А.Д. Цюрупа в годы войны и революции // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: Издательство ИРИ РАН, 1998. С. 273–295.
- Плимак Е.Г. Большевизм в трех революциях // Октябрь 1917: смысл и значение. Материалы круглого стола в Горбачёв-Фонде 30 октября 1997 г. М.: Апрель-85, 1998. С. 129–133.
- Постановления и резолюции сессии ВЦИК VII созыва. М.: Гос. изд-во, 1920. 88 с.
- Струмилин С.Г. На плановом фронте // Струмилин С.Г. Избр. произв.: в 5 т. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 2. 444 с.
- Труды II Всероссийского съезда Советов народного хозяйства. Стенограф. отчет. М.: Высший совет народного хозяйства, 1919. 420 с.
- Трухан Г.А. Путь к тоталитаризму. 1917–1929 гг. М.: Наука, 1994. 168 с.
- Уэллс Г. Россия во мгле. М.: Госполитиздат, 1958. 220 с.
- Шарапов Ю.П. Первая «оттепель». Нэповская Россия в 1921–1928 гг.: Вопросы идеологии и культуры. Размышления историка. М.: ИРИ РАН, 2006. 368 с.
- Dobb M. Soviet Economic since 1917. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 261 p.

References

- Bolshevik leadership. Correspondence. 1912–1927. Moscow: ROSSPEN, 1996. 423 p. (In Russ.)
- Bukharin N.I. The Path to Socialism and Workers' and Peasants' Union. Bukharin N.I. Selected works. Moscow: Politizdat, 1988. P. 146–230. (In Russ.)
- Bukharin, N.I. The Economy of the transition period (in Russian). Bukharin N.I. Selected works. Moscow: Economy, 1990. P. 81–207. (In Russ.)
- Buldaikov V.P. The Red Troubles. Nature and consequences of the revolutionary violence. Moscow: ROSSPEN, 1997. 376 p. (In Russ.)
- Burtin Yu. Another socialism. Red hills. Almanac. Moscow: Publishing house «Urban property», 1999. P. 411–511. (In Russ.)
- Dalin D. Speculator and bureaucrat. Economics. 1991. No. 2. P. 84–95. (In Russ.)
- Decrees and resolutions of the session of the All-Russian Central Executive Committee of VII convocation. Moscow: State Publishing House, 1920. 88 p. (In Russ.)
- The discussion about «military communism». Political self-education. 1988. No. 6. P. 51–59. (In Russ.)
- Dobb M. Soviet Economy since 1917. L.: Routledge and Kegan Paul, 1966. 261 p.

Gimpelson E.G. «Military Communism»: politics, practice, ideology. Moscow: Thought, 1973. 296 p. (In Russ.)

Gimpelson E.G. Veliky Oktyabr and the formation of the Soviet system of national economy management (November 1917 – 1920). Moscow: Science, 1977. 310 p. (In Russ.)

The history of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course. Moscow: Gospolitizdat, 1938. 351 p. (In Russ.)

Ivanov G.V. From memoirs (in Russian). Ivanov G.V. Collected Works. Moscow: Consent, 1994. Vol. 3. P. 373–442. (In Russ.)

Lenin V.I. Full collection of works. In 55 vol. Moscow: Gospolitizdat, 1960–1965. (In Russ.)

Lukacsch D. Lenin. A research essay on the interrelation of his ideas. Moscow: Inter-dunar relations, 1990. 144 p. (In Russ.)

Marx K. Meeting of the Central Committee of September 15, 1850. Marx K., Engels F. Writings. Moscow: Politizdate, 1957. Vol. 8. P. 581–585. (In Russ.)

Pavlyuchenkov S.A. Peasants' Brest or the prehistory of the Bolshevik NEP. Moscow: Russian Book Publishing Association, 1996. 299 p. (In Russ.)

Pisarenko E. A.D. Tsurupa during the war and revolution. 1917 in the fate of Russia and the world. October Revolution: From New Sources to New Understanding. Moscow: IRI RAS Publishing House, 1998. P. 273–295. (In Russ.)

Plimak E.G. Bolshevism in three revolutions. October 1917: meaning and significance. Materials of the round table in Gorbachev Foundation on October 30, 1997. Moscow: April-85, 1998. P. 129–133. (In Russ.)

Proceedings of the II All-Russian Congress of Soviets of National Economy. Stenographer. otchet. Moscow: The Supreme Soviet of National Economy, 1919. 420 p. (In Russ.)

Sharapov Y.P. The first «thaw». Russia in the years of new economic policy in 1921–1928: Questions of ideology and culture. Reflections of the historian. Moscow: IRI RAN, 2006. 368 p. (In Russ.)

Strumilin S.G. On the planned front. Strumilin S.G. Selected works. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. 2. 444 p. (In Russ.)

The Red Book of the Higher Courses for Chessmen. Moscow: Politizdate, 1989. Vol. 1. 416 p. (In Russ.)

Trukan G.A. Way to totalitarianism. 1917–1929. Moscow: Science, 1994. 168 p. (In Russ.)

Valentinov N.V. Heirs of Lenin. Moscow: Terra, 1991. 240 p. (In Russ.)

Vladimir Ilyich Lenin. Biography, 1870–1924. In 2 vol. Moscow: Politizdate, 1985. Vol. 2. 1917–1924. 364 p. (In Russ.)

Wells G. Russia in the mist. Moscow: Gospolitizdat, 1958. 220 p. (In Russ.)